

А.А. Холиков

**Значимое отсутствие
в «Автобиографической заметке» Д.С. Мережковского:
из опыта реального комментария
к «Полному собранию сочинений» (1914)**

Аннотация: В статье реконструируются события и лица эмпирической действительности, которые преломились в произведениях, составивших второе прижизненное «Полное собрание сочинений» (1914) Д.С. Мережковского, но при этом не вошли в «Автобиографическую заметку» (1913), размещенную в конце последнего тома издания. Между тем, согласно концепции исследователя, сведения, представленные в ней, можно трактовать как источник и контекст всего собрания сочинений.

Ключевые слова: русская литература, Д.С. Мережковский, автобиография, реальный комментарий

Abstract: The article deals with reconstructs of the events and persons of empirical reality refracted in the works that made up the second «Complete Works» (1914) published during the life of D.S. Merezhkovsky, which were not included in the «Autobiographical Notes» (1913), placed in last volume of this edition. Meanwhile, according to the concept of the researcher, the given data may be regarded as the source and context of the entire collected works.

Key words: Russian literature, D.S. Merezhkovsky, autobiography, real commentary

Изначально «Автобиографическая заметка» Д.С. Мережковского предназначалась для издания «Русская литература XX века (1890–1910)» (под ред. С.А. Венгерова), но впервые была опубликована в газете «Русское слово» (1913. №65. 19 марта). В этом поступке прежде всего сказался практицизм Мережковского, который сотрудничал в «Русском слове» и получал за свои публикации неплохой гонорар. Однако в результате случилось непредвиденное. Из письма Мережковского к Ф.И. Благову от 26 марта (7 апреля) 1913 г. узнаем: «Я поставил условием и Вам это сообщил, конечно, В.А. Руманов, чтобы “Автоб<и>ографическая> Заметка” пошла не очередным фельетоном за моею подписью, а в виде сообщения от редакции и с оговоркой, что это биография для книги Венгерова. А так вышло неприлично, нескромно в высшей степени. И даже просто смешно. Меня за это

будут ругать. А мне и без того достаточно ругани»¹. Расхождения между газетной публикацией и текстом, вошедшим в «Русскую литературу XX века (1890–1910)», незначительны и обусловлены, судя по всему, редакторской правкой Венгерова. При этом в составе второго прижизненного «Полного собрания сочинений» (1914, далее – ППСС-2) Мережковского воспроизведен вариант из «Русского слова». К счастью, сохранилась еще и рукопись «Автобиографической заметки» (РО ИРЛИ. Ф. 177. № 24384; датирована автором «Ментона. Февраль 1913 г.»), по которой видно, что Мережковский особое внимание уделял синтаксическим конструкциям и подбору слов. Писатель явно стремился к лаконичности, однако не все сокращения принадлежат ему. Заключительный фрагмент изъят цензурой. «Автобиографическая заметка» более чем органично смотрится в конце XXIV тома, заключающего ППСС-2. Сведения, представленные в ней, можно воспринимать как источник и контекст всего собрания². Однако не менее важно, на наш взгляд, кратко остановиться на некоторых событиях и лицах эмпирической действительности, которые не вошли в «Автобиографическую заметку», но преломились в произведениях, составивших ППСС-2.

***

Прежде всего, это запечатленные в «Старинных октавах» образы братьев, с которыми, за исключением Константина, у Мережковского не было близких отношений: будущий биолог Сергей Сергеевич (1863–1930; «С Сергеем мы ходили в тот же класс. / Напоминая бойкую лисичку, / Зрочки зеленоватых быстрых глаз / Лукаво щурить он имел привычку; / Лицо в веснушках помню, как сейчас, / Пронырливый и острый носик, кличку / Всему давал он метко: был актер / И дипломат, насмешлив и хитер»³), будущий мировой посредник Александр Сергеевич (1862– ?; «А неуклюжий Саша, молчаливый, / С лицом румяным и тупым, в очках. – / Как медвежонок, дикий и ленивый; / В монахи собирался он, в делах / Земных не видя толку; горделивый / Тот замысел погиб и стал монах – / Немало в жизни всяких превращений – / Чиновником особых поручений»⁴), будущий надворный советник Николай Сергеевич (1860– ?; «Благоразумен, важен, как старик, / Был Коля гимназистом идеальным; / Премудрость всех учебников постиг. / С лицом худым, бескровным и печальным, / Питая страсть, как первый ученик, / К пятеркам с плюсом и листам похвальным, / Смиряться он умел, терпеть и ждать / И всякому начальству угождать»⁵). Не останавливается Мережковский и на членах семьи Гиппиус (бабушка, тетя, сестры Наталья и Татьяна, мать, няня), которые

¹НИОР РГБ. Ф. 259. К. 17. Ед. хр. 12. Л. 8–9.

²См.: *Холиков А.А.* Прижизненное полное собрание сочинений Дмитрия Мережковского: Текстология, история литературы, поэтика. М.; СПб., 2014.

³Мережковский Д.С. Старинные октавы // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. Т. 24. М., 1914. С. 44.

⁴Там же.

⁵Там же.

стали героями поэмы «Семейная идиллия», описывающей лето 1890 г., проведенное вместе на даче в Дубровицах.

В стороне остается несколько романтических увлечений, к которым Мережковский имел склонность с отроческих лет. В «Старинных октавах» поэт вспоминает первую любовь сразу к двум девушкам («елагинской фее» и «прачке Лене» – их прототипы нам неизвестны), которая, видимо, должна символизировать душевную раздвоенность автора и отсылать читателя к волновавшей писателя дихотомии плоти и духа. Таким образом, Мережковский через творчество выстраивает собственную жизнь, закладывая координаты судьбы в раннем возрасте: «Уже тогда, с младенческих времен, / Лукавым духом, Янусом двуликим, / Неопытный мой ум был соблазнен, / И с этих пор я с ужасом великим / Всю жизнь внимал, как с Богом спорит бес, / Дух грешной плоти с ангелом небес»¹.

Юношеским увлечением баронессой Варварой Ивановной Иксуль фон Гильдебрант, урожд. Лутковской (1850–1928), в салоне которой Мережковский появился будучи студентом, навеяны стихотворения: «С потухшим факелом мой гений отлетает...» (1886), «Когда безмолвные светила над землей...» (1886), «Покоря, забвенья!.. Уснуть, позабыть...» (1887), «В путь, скорее в далекий, неведомый путь!..» (1886), «Признание» (1886), «Мы идем по цветущей дороге...» (1886), «Ты читала ль преданья, как жгли христиан...» (1886), «О дитя, живое сердце...» (1886), «По дебрям усталый брожу я в тоске...» (1886), «Не думала ли ты, что, бледный и безмолвный...» (1886), «Давно ль желанный мир я звал к себе, тоскуя...» (1886), «Ищи во мне не радости мгновенной...» (1886). Почти все эти тексты вошли в ППСС-2. Ольге Дмитриевне Ниловой, загадочной, но вполне реальной фигуре, посвящено в журнальном варианте стихотворение «Леда» (1895). Вероятно, правы те, кто считает, что ответные письма Ниловой (которые не сохранились) за подписью «Снежная Королева» с восторженными откликами на стихотворения Мережковского – мистификация Гиппиус, которая таким образом восполняла супругу нехватку читательской любви. Как бы то ни было, но письма к Ниловой Мережковского и Гиппиус сохранились. В одном из них читаем: «Я приду к вам сегодня немного раньше девяти. Вы еще не устали от Д<митрия> С<ергееви>ча, видно, если хотите его писем к Сн<ежной> К<оролеве>. Но я думаю так: принести вам письма – значит смеяться вдвоем над обманутым общим другом. Как бы то ни было – он писал их Снежной Королеве, и Сн<ежная> Королева, кто бы она ни оказалась, не должна показывать их никому. Ведь вы сами против дружбы двух – и одного. А мы с вами злоупотребим нашей дружбой против Дм<итрия> С<ергееви>ча, если станем вместе читать эти письма. Я не знаю писем, которые он вам пишет – и даже осудила бы вас в душе невольно, если бы вы их стали показывать третьему другу – хотя бы мне»². По мнению К.А. Кумпан, именно Ниловой посвящен весь третий поэтический сборник

¹Там же. С. 65.

²НИОР РГБ. Ф. 178. К. 9836. Ед. хр. 4. Л. 1–2.

Мережковского¹. К числу ее же предположений относится возможность посвящения стихотворений «Люблю иль нет, – легка мне безнадежность...» (1910) и «Ты ушла, но поздно...» (в журнальной публикации с датой – 1907), следующих в ПСС-2 друг за другом, Марии Николаевне Деревицкой², названной в мемуарах Гиппиус «Марусей», знакомство с которой «имело для Д.С. большое значение и оставило след на всю его жизнь»³.

Умолчав о раннем интересе к поэзии Лермонтова и сознательно дистанцировавшись от декадентства, Мережковский ни слова не говорит и о Ницше, об увлечении которым можно судить не только по сборнику «Новые стихотворения» и романам «Смерть богов (Юлиан Отступник)», «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)», но и по признанию самого писателя: «Ницше ведь тоже – и уж это мы знаем по опыту нашего собственного сердца и разума – вышел из жизни и входит в жизнь»⁴. Более того, Мережковский, согласно мнению ученых, «был среди первых и самых энергичных популяризаторов Ницше в России»⁵, однако вскоре преодолел это «искушение» и, скорее всего, не хотел о нем вспоминать («Да и как бы я мог, – недоумевал писатель в 1902 г., – признавая учение Христово за абсолютную истину, сочувствовать нитцшеанству?»⁶), хотя «элементы ницшевской мысли прочно укоренились в его сознании»⁷.

Точно так же Мережковский не стал упоминать имени Акима Львовича Волынского (1861–1926), при поддержке которого на страницах «Северного вестника» в 1895 г. появился «Отверженный» («Юлиан Отступник») – первый символистский роман, привлечший колоссальное внимание читателей. Возможно,

¹См.: *Кумпан К.А.* Д.С. Мережковский-поэт (у истоков «нового религиозного сознания») // Мережковский Д.С. Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. С. 70.

²Там же. С. 893.

³*Гиппиус З.* Дмитрий Мережковский // *Гиппиус З.* Ничего не боюсь. М., 2004. С. 139. Ср. с признанием самого Мережковского в письме к О.А. Флоренской от 1910 г.: «Я хотел бы Вам один мой сон описать, как я был влюблен в Марусю. Маруся эта живая девушка – я в прошлом году в Париже был в нее действительно влюблен – она вышла замуж, хотя любила, т. е. люблена была в меня по-настоящему. Так вышло, случилось. И я в этом виноват. Я уверен, что она и теперь меня любит, т. е. полюбила бы, если бы со мной была. И вот она вдруг приснилась мне – звала меня, упрекала, и я понял во сне, как я перед ней виноват. И тяжело было. Особенно тяжело, когда поправить нельзя...» (*Шутова Т.* «Да будут совершены воедино...»: Переписка Мережковских с О. Флоренской // *Новый журн.* Нью-Йорк, 2009. №256. С. 126).

⁴*Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. Т. 11. М., 1914. С. 129.

⁵*Розенталь Б.Г.* Мережковский и Ницше. (К истории заимствований) // Д.С. Мережковский: Мысль и слово. М., 1999. С. 120.

⁶*Мережковский Д.* Что такое язычество? // *Новое время.* СПб., 1902. №9543. С. 4.

⁷*Розенталь Б.Г.* Мережковский и Ницше. (К истории заимствований) // Д.С. Мережковский: Мысль и слово. М., 1999. С. 121. О своем расхождении с Ницше Мережковский писал Перцову 22 сентября 1899 г., рассуждая об отношениях между Христом и Антихристом в романе «Воскресшие боги»: «...Нитче, однако, с которым я во многом, даже в главном, не согласен (у него древнее, первое единство, а у меня новое, второе соединение), гораздо глубже, чем Вы думаете» (Письма Д.С. Мережковского к П.П. Перцову // *Рус. лит.* Л., 1991. №3. С. 136–137).

поэтому свое «деятельное участие» в журнале Мережковский относит к наиболее раннему периоду, до того как фактическое руководство «Северным вестником» начала осуществлять Л.Я. Гуревич (с 1891 по 1898 г.). 24 сентября 1891 г. Мережковский писал Плещееву: «“Сев<ерный> Вест<ник>” окончательно перешел в руки Гуревич, т. е. еврея Флексера (наст. имя и фам. А.Л. Волынского. – А.Х.), потому что Гуревич сама вся в руках Флексера. Он необычайно сделан важен»¹. По утверждению исследователей, среди русских журналов «Северный вестник» выделялся одной особенностью – абсолютной гегемонией критика Волынского, который видел себя в качестве наставника зарождающегося русского символизма.

Несмотря на острую критику некоторых работ Мережковского, Волынский усматривал в творчестве писателя «живую нервную восприимчивость к тому, что возникает и нарастает в душах современных людей»², ростки уже символистского, а не декадентского творчества. Мережковский, в свою очередь, симпатизировал критике: «Во всех трудах г. Волынского есть одна характерная черта – не русская, но глубоко симпатичная. В этом пламенном, несколько сухом, но возвышенном мистицизме поклонника великого еврейского философа, в неутолимой ненависти к пошлой стороне позитивизма, в этой национальной, так сказать, прирожденной способности к тончайшим метафизическим абстракциям – сразу чувствуется нравственный и философский темперамент семита. Более всего меня привлекает к таким семитическим темпераментам неподдельная чистота, наивность философского жара, пламенная и вместе с тем целомудренная страстность ума. Недаром еврейская национальность до сих пор носительница страшного и благодатного огня – тысячелетней жажды Бога. Сколько раз, погибая, оплодотворяла она своим огнем более спокойные арийские культуры, которым грозили бесплодием научный материализм и позитивная уравновешенность»³.

Дружба Мережковских с Волынским продолжалась до 1897 г. Они даже совершили весной 1896-го совместное путешествие в Италию «по следам Леонардо да Винчи», роман о котором писатель надеялся опубликовать в «Северном вестнике». Но его чаяниям не суждено было сбыться. В 1897 г., после разрыва личных отношений с Гиппиус, которому предшествовала череда грубых ссор, Волынский начал публиковать собственное исследование о Леонардо да Винчи, а вдобавок без предупреждения исключил имена Мережковских из списка сотрудников «Северного вестника». «Смердяковская у него сущность»⁴, – возмущался таким поступком Мережковский. В январе 1898 г. в отношениях с Волынским была поставлена точка. В том же году прекратил свое существование «Северный вестник».

¹ НИОР РГБ. Ф. 359. К. 8228. Ед. хр. 48. Л. 2.

² Волынский А. Литературные заметки // Северный вестник. СПб., 1896. №2. С. 335.

³ Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. Т. 18. М., 1914. С. 207.

⁴ Письма Д.С. Мережковского к П.П. Перцову // Рус. лит. Л., 1991. №2. С. 172.

Умолчание Мережковского в «Автобиографической заметке» бросается в глаза, поскольку М.А. Лятский в критико-биографическом очерке, выполняющем аналогичную функцию в первом прижизненном собрании сочинений Мережковского, напротив, акцентирует внимание читателя на том, что с переходом «Северного вестника» в руки Гуревич (а значит – и Волынского) «Мережковский становится не только одним из главных сотрудников журнала, но и членом редакции его»¹.

Мережковский не оставляет подробностей о пребывании за границей с 1906 по 1908 г. К этому времени относится ряд встреч, свидетельства которых рассеяны по критическим работам писателя. «Встречи мои с Жоресом и А. Франсом, – читаем в одной из статей, – были так мимолетны, что, пожалуй, и рассказывать не стоило бы, если бы не было тут кое-чего символического для нас и для них, для нас, русских, и для них, французов, может быть, вообще европейцев»². Если с Франсом Мережковский уже был заочно знаком, опубликовав в 1895 г. перевод³ его рассказа «Святой сатир», то с Жоресом встретился впервые. Разговор, как известно, зашел «о русской революции»⁴.

Тогда же началось сближение Мережковского с эмигрантами-революционерами. «Мне казалось, – признается писатель, – и теперь мне кажется, что это лучшие русские люди, каких я встречал за всю свою жизнь. Сближение наше произошло на почве не только общественной, но и религиозной. Здесь я увидел воочию, как бы осязал руками, связь русской революции с религией. В схождении с ними я пережил то, что потом часто высказывал, возможность новой религиозной общественности, глубочайшую связь русского освобождения с религиозными судьбами России»⁵. Эта мысль Мережковского будет последовательно развиваться в художественном творчестве и публицистике.

В романе «Александр I» мы становимся свидетелями разговора Валерьяна Голицына и Рылеева: «– А у вас лампадки везде, – сказал Голицын, заметив здесь, в кабинете, так же, как в столовой и гостиной, затепленную лампадку перед образом. – Да, жена любит. А что? Голицын ничего не ответил, но Рылеев опять угадал. – Мне все равно – лампадки. Я в Бога не верую. А впрочем, не знаю. Мало думал. Что за гробом, то не наше. Но кажется, есть что-то такое... А вы? – Я верю. – То-то вы о черте давеча... А зачем? – Что зачем? – Да вот верить? – Не знаю. Но, кажется, без этого нельзя ничего... – И револю-

¹Лятский М.А. Дмитрий Сергеевич Мережковский // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 17 т. Т. 1. СПб.; М., 1912. С. VII.

²Мережковский Д.С. Цветы мещанства // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. Т. 16. М., 1914. С. 66.

³Не соответствует истине утверждение, что «текст Мережковского полностью оригинален» (см.: Корчинская И.Я. Западноевропейские традиции в «итальянских» новеллах Д.С. Мережковского // Традиции в русской литературе. Н. Новгород, 2002. С. 182).

⁴Мережковский Д.С. Цветы мещанства // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. Т. 16. М., 1914. С. 69.

⁵Цит. по: Соболев А.Л. Мережковские в Париже (1906–1908) // Лица: Биографический альманах. Вып. 1. М.; СПб., 1992. С. 353.

цию нельзя? – И революцию»¹. На том же настаивает Сергей Муравьев: «Да не я ли вам сейчас говорил, что нам думать надо больше всего о религии, а политика сама приложится? Именно у нас, в России, более, чем где-либо, в случае восстания, в смутные времена переворота, привязанность к вере должна быть надеждой и опорой нашей твердейшею, – вот все, что я говорю. Вольность и вера вместе в России погублены и восстановлены могут быть только вместе...»² Идея революции во главе с Христом не только обдумывается героями романа (ср.: «Голицын снял шапку и перекрестился, думая о предстоящей великой скорби, великой радости: – С Богом! С Богом!»³), но и озвучивается (ср. слова Бестужева: «На будущий год всему конец! Самовластье падет, Россия избавится от рабства, и Бог нам поможет...»⁴). Наша сосредоточенность на данном произведении обусловлена позицией автора, за несколько лет до написания романа утверждавшего, что «внутреннее единство религиозного и революционного движения в России всего нагляднее обнаружил внук Екатерины II, император Александр I»⁵.

В публицистике Мережковского примеров еще больше: «Но, во всяком случае, ежели не с мистической, то с исторической точки зрения, если не для будущего, то для прошлого русская революция, низвержение русского единовластия, имеет великий смысл религиозный»⁶; «Религия и революция – не причина и следствие, а одно и то же явление в двух категориях: религия – не что иное, как революция в категории Божеского; революция – не что иное, как религия в категории человеческого. Религия и революция – не два, а одно: религия и есть революция, революция и есть религия»⁷; «Оставаясь в старой церкви, можно только чинить гнилые бревна, делать реформацию; но чтобы сделать революцию, создать новую церковь не в бревнах, а в ребрах, надо выйти из старой»⁸; «...я уже раз говорил (“В обезьяньих лапах” (О Леониде Андрееве) – примеч. авт. – А.Х.) и теперь повторяю – об этом нужно твердить без конца, – в настоящее время в России революция и религия – не два, а одно: революция и есть религия, религия и есть революция»⁹; «Постепенности, непрерывности недостаточно для того, чтобы объяснить закон эволюции; нужно допустить и другой,

---

¹Мережковский Д.С. Александр I // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. Т. 6. М., 1914. С. 257–258.

²Там же. Т. 8. С. 11–12.

³Там же. С. 197.

⁴Там же. С. 106.

⁵Мережковский Д.С. Революция и религия // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. Т. 13. М., 1914. С. 46.

⁶Там же. С. 37.

⁷Мережковский Д.С. В обезьяньих лапах // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. Т. 16. М., 1914. С. 35–36.

⁸Мережковский Д.С. Реформация или революция? // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. Т. 16. М., 1914. С. 93.

⁹Мережковский Д.С. Христианство и государство // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. Т. 16. М., 1914. С. 101.

смежный закон – прерывности, внезапности, катастрофичности, – то “непредвидимое” (imprévisible Бергсона), что в стихии общественной называется революцией»¹.

Мережковский, по свидетельству Гиппиус, «не сомневался, что революция в России будет, что сделают ее, может быть, вот эти самые революционеры-народники, но что им не хватает религиозного, христианского самосознания, хотя, по существу, они к христианству близки»². Это подтверждают критические высказывания писателя: «Нерелигиозное самоутверждение приводит к самоотрицанию, самоубийству личности»³; «...несмотря на безбожие русского освобождения, есть у него тайный религиозный смысл...»⁴; «Ежели смотреть не на то, что русские революционеры говорят, а на то, что они делают, нельзя не увидеть, что эти безбожники иногда святые. Со времени первых мучеников христианских не было людей, которые бы так умирали: по слову Тертуллиана, “они летят на смерть, как пчелы на мед”»⁵.

«Субботники» Мережковских посещали видные члены партии социалистов-революционеров. Через И.И. Фондаминского (Бунакова), жене которого – А.О. Фондаминской (урожд. Гавронской) – посвящено стихотворение «Амалии» (1907), Мережковские познакомились с одним из лидеров «Боевой организации» – Б.В. Савинковым. «Великий русский патриот» (так назовет его Мережковский), соучастник убийства Плеве и великого князя Сергея, был частым гостем в квартире на улице Теофиля Готье. Мережковские быстро с ним подружились. «Главная тяжесть, – по словам Гиппиус, – была в том, что Савинков сам как будто чувствовал себя убиваемым – убивая. Говорил, что кровь убитых давит его своей тяжестью. И подходил к Д<митрию> С<ергеевичу> не то с надеждой оправдания революционного террора, не то за окончательным ему – и себе в этом случае – приговором»⁶. Ко всему прочему в Савинкове обнаружился литературный талант. Он написал роман о террористе, проливающим кровь во имя идеи. Несмотря ни на что, герою удается выживать, но лишь до тех пор, пока он не убивает какого-то офицера ради собственной любви. Мережковские стали едва ли не первыми слушателями и критиками захватывающей истории. «Заглавие, – вспоминает Гиппиус, – довольно нелепое, я ему переменяла, назвав роман “Конь бледный” (с эпитафией из Апокалипсиса), а псевдоним, тоже неинтересный, предложила заменить одним из своих...»⁷. Так появился писа-

¹Мережковский Д.С. Вечные спутники // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. М., 1914. Т. 17. С. 145.

²Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Гиппиус З. Ничего не боюсь. М., 2004. С. 144.

³Мережковский Д.С. Конь бледный // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. Т. 15. М., 1914. С.30.

⁴Мережковский Д.С. Семь смиренных // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. Т. 15. М., 1914. С. 83.

⁵Мережковский Д.С. Предисловие к одной книге // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. Т. 13. М., 1914. С. 164.

⁶Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Гиппиус З. Ничего не боюсь. М., 2004. С. 131.

⁷Там же. С. 146.

тель В. Ропшин. В 1909 г. Мережковский опубликовал об этом романе одноименную статью, а личность Савинкова напоминает созданный писателем образ Пестеля – тоже идеолога революции: «Истребить всех, начать революцию покушением на жизнь всех членов царской фамилии»¹; «Избранные к сему (убийству царской семьи. – А.Х.) должны находиться вне Общества; когда сделают они свое дело, оно немедленно казнит их смертью, как бы отмщая за жизнь царской фамилии, и тем отклонит от себя всякое подозрение в участие. Нам надобно быть чистыми от крови»².

Одновременно с эсерами Мережковских привлекали анархисты, выступавшие за общественный порядок, основанный на свободном соглашении между людьми. Ничем не ограниченная свобода личности, по мнению анархистов, достигается уничтожением любой формы государственности, эксплуатации и частной собственности. Мережковским повезло. В Париже они познакомились со знаменитым анархистом Петром Кропоткиным. Встречу организовал И.С. Книжник-Ветров³. О ней Гиппиус рассказала в письме к Брюсову: «А знаете, кто самый мирный и добрый человек на свете? Кропоткин. Это такой славный и безобидный дядя, что его только по лысинке хлопать, да чай с ним пить. Все о муравьях, да о пчелках, и дочку, главное, свою любит, “Сашок” ее зовут. Наряжает, веселит. Вот так анархист! Пожалуй мистические наши, и те страшнее»⁴.

В анархизме Мережковский видит ростки нового религиозного сознания: «В настоящее время говорить об анархизме, как о реальном явлении общественном, почти невозможно. Научно-философское обоснование анархической общественности принадлежит будущему. А в современной зачаточной стадии своей анархизм есть, по преимуществу, лишь анархический индивидуализм»⁵; «Только будущий анархист, человек последнего бунта, последнего отчаяния есть первый из людей, который услышит и примет благовестие новой религиозной надежды»⁶; «Последнее утверждение новой религиозной безгосударственной общественности есть новое религиозное сознание и действие, новое религиозное соединение личности и общества, единого и всех, беспредельной свободы и беспредельной любви. Истинное безвластие есть Боговластие. Слова эти загадочны. Но пусть пока так и останутся они загадкой»⁷.

О «добровольном изгнании» Мережковского в 1906–1908 гг. отдаленно напоминает биография Лунина, одного из героев романа «Александр I»: «Поселился

¹Мережковский Д.С. Александр I // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. Т. 7. М., 1914. С. 12.

²Там же. С. 12–13.

³И.С. Книжник-Ветров (наст. фам. и имя И.С. Бланк; 1878–1965) – историк, библиограф. См.: РНБ. АДП. Ф. 352. Ед. хр. 173. Л. 6.

⁴НИОР РГБ. Ф. 386. К. 82. Ед. хр. 39. Л. 5 об.–6.

⁵Мережковский Д.С. Меч // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. Т. 13. М., 1914. С. 12.

⁶Там же. С. 13.

⁷Мережковский Д.С. Предисловие к одной книге // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. Т. 13. М., 1914. С. 166.

в Париже и провел здесь несколько лет в нужде. Отец его был очень богат, но скуп и не в ладах с сыном. По смерти отца¹ он получил наследство, с доходом в 200.000 рублей. В Париже сошелся с карбонарами и с иезуитами, которые не могли простить русскому правительству своего изгнания из России»². Очевидно, что в «Автобиографической заметке» по цензурным соображениям не могли появиться имена революционеров и даже намек на общение с ними. Кроме того, Мережковский наверняка опасался судебного преследования. Только что, в 1912 г., с него было снято обвинение в «дерзостном неуважении к верховной власти» за пьесу «Павел I». Гиппиус утверждает, ссылаясь на мужа, что, если бы Мережковского не оправдали, он лучше сел бы в тюрьму, но эмигрантом не сделался³.

Однако известно, что, сбежав от большевиков, писатель подтвердил верность своих слов, сказанных еще в 1908 г.: «Я люблю свободу больше, чем родину: ведь у рабов нет родины...»⁴ В эмиграции его рассуждения на эту тему приобрели иной смысл: «– Зина, что тебе дороже: Россия без свободы или свобода без России? Она думала минуту. – Свобода без России, – отвечала она, – и потому я здесь, а не там. – Я тоже здесь, а не там, потому что Россия без свободы для меня невозможна. Но... – и он задумывался, ни на кого не глядя, – на что мне собственно нужна свобода, если нет России? Что мне без России делать с этой свободой? И он замолкал...»⁵

При внимательном чтении обращаешь внимание на то, что рассуждения о родине и чужбине периодически встречаются на страницах произведений Мережковского. Здесь можно вспомнить Макиавелли и Леонардо, которые «молча посмотрели друг другу в глаза и вдруг оба почувствовали, что в этом они до последней глубины сердца навеки различны, чужды друг другу и никогда не стоворятся: для одного как будто вовсе не было родины; другой любил ее, по выражению Цезаря, “больше, чем душу свою”»⁶. Сбежавший за границу царевич Алексей едва сдерживает слезы: «Никогда еще, казалось, он так не любил Россию, как теперь. Но он любил ее новою всемирною любовью, вместе с Европою; любил чужую землю, как свою. И любовь к родной, и любовь

---

¹Заметим, что весной 1908 г., находясь за границей, Мережковский узнал о смерти отца.

²*Мережковский Д.С.* Александр I // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. Т. 8. М., 1914. С. 51.

³*Гиппиус З.* Дмитрий Мережковский // Гиппиус З. Ничего не боюсь. М., 2004. С. 161. Слова З. Гиппиус подтверждаются дневниковой записью С.П. Каблукова: «Конечно, Дм<итрий> Серг<еевич> недоволен перспективой засесть на годы в крепость, но предпочитает заключение эмигрантству <...>» (цит. по: *Гончарова Е.И.* «Революционное христовство» // «Революционное христовство»: Письма Мережковских к Борису Савинкову. СПб., 2009. С. 61).

⁴*Мережковский Д.С.* Красная Шапочка // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. Т. 16. М., 1914. С. 54.

⁵См.: *Берберова Н.* Курсив мой // Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С. 493.

⁶*Мережковский Д.С.* Воскресшие боги (Леонардо да Винчи) // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. Т. 3. М., 1914. С. 139.

к чужой земле сливались, как эти две песни, в одну»¹. Даже Езопка, как ни стремился в Россию, «подобно царевичу, полюбил чужую землю, как родную, полюбил и Россию, вместе с Европою, новою всемирною любовью»². По возвращении из заграничного путешествия еще в 1891 г. Мережковский написал пророческие для себя строки: «О, березы, даль немая, / Грустные поля... / Это ты, – моя родная, / Бедная земля! / Непокорный сын к чужбине, / К воле я ушел, / Но и там в моей кручине / Я тебя нашел»³.

Приведенных примеров достаточно, чтобы увидеть, как в случае с Мережковским речь может идти не только об однонаправленном влиянии биографического факта на творчество и его отражении в нем, но и о ситуации, когда факт жизни, прежде чем стать таковым, реализуется в литературе, что отвечает житнетворческим установкам писателей-символистов. Зачастую Мережковский сознательно согласовывал автобиографический и художественный тексты, реализуя собственный тезис о том, что лучшая из автобиографий – это произведения писателя.

Сведения об авторе:
Алексей Александрович Холиков,
канд. филол. наук
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова
Alexey A. Kholikov,
PhD
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

---

¹Мережковский Д.С. Антихрист (Петр и Алексей) // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. Т. 5. М., 1914. С. 10.

²Там же. С. 13.

³Мережковский Д.С. Возвращение // Мережковский Д.С. Полн. собр. соч.: В 24 т. Т. 23. М., 1914. С. 172.